

ЕС в поисках идентичности: теоретико-философские аспекты стратегической автономии

Полина Павловна Калугина¹, Егор Александрович Сергеев²

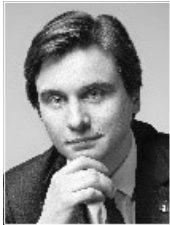
^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ kalugina_p_p@my.mgimo.com

<https://orcid.org/0000-0003-4044-4856>

² sergeev.e.a@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9964-9595>

Аннотация. Современный мировой порядок находится в процессе становления. Этот процесс сопряжён с разнообразными трансформациями, которые в том числе затрагивают нормативно-ценностные ориентации субъектов мировой политики и подталкивают их к рефлексии относительно своего места в новом мире и в конечном итоге — относительно своей идентичности. Изучение идентичностей акторов мировой политики способствует углублению понимания логики их поведения во внутренней и внешней политике. В условиях, когда Европейский союз, с одной стороны, стремится к большей акторности и независимости в своих действиях на международной арене а, с другой стороны, в европейской интеграции наличествуют кризисные тенденции и наблюдается кризис нормативной силы европейского проекта, проблема идентичности Европейского союза приобретает всё большую актуальность. В настоящей статье исследуется гипотеза о том, что в качестве инструмента (ре)конструирования своей идентичности Европейский союз использует концепцию стратегической автономии. Через призму конструктивизма рассматриваются теоретико-философские основы этой концепции. Авторы исходят из широкого понимания стратегической автономии как способности и возможности Европейского союза для проведения самостоятельной политики в стратегически важных областях и по широкому кругу вопросов — от укрепления обороноспособности до защиты ценностей. Приводится краткий обзор истоков, эволюции и кризиса «европейской идеи» как *raison d'être* европейской интеграции и основы идентичности Европейского союза. Рассматривается вопрос о связи между категориями идентичности и стратегической автономии. Основным методом исследования выступает дискурс-анализ на уровне стратегических и программных документов ЕС. Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о том, что реализация концепции стратегической автономии может предложить ЕС выход из кризиса идентичности, так как она предлагает, с одной стороны, предсказуемую стратегию поведения в отношениях с Другими и, с другой стороны, последовательный нарратив о ЕС как глобальном игроке.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская интеграция, стратегическая автономия, идентичность, европейская идея, дискурс, нормативная сила, ценности, онтологическая безопасность

Для цитирования: Калугина П. П., Сергеев Е. А. ЕС в поисках идентичности: теоретико-философские аспекты стратегической автономии // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 28–48. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48>

Philosophical essay

EU in Search of Identity: Theoretical and Philosophical Aspects of Strategic Autonomy

Polina P. Kalugina¹, Egor A. Sergeev²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ kalugina_p_p@my.mgimo.com

<https://orcid.org/0000-0003-4044-4856>

² sergeev.e.a@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9964-9595>

Abstract. The process of modern world order construction is still ongoing. It is accompanied by various transformations, which, among other things, affect the normative and value orientations of the world political actors and push them to reflect both on their place in the new world order and, ultimately, on their identities. Studying these identities contributes to a deeper understanding of the logic of their behavior in domestic and foreign policy. At a time when, on the one hand, the European Union is striving for greater actorness and independence in its actions in the international arena and, on the other hand, crisis tendencies in European integration and the reduction of the EU's normative force are quite palpable, the problem of the European Union's identity is becoming increasingly relevant. This article puts to test the hypothesis that the European Union uses the concept of strategic autonomy as a tool for (re)constructing its identity. The theoretical and philosophical foundations of this concept are examined through the constructivist paradigm using the materials of theoretical works, organizational documents and practices on the subject. The study proceeds from a broad understanding of strategic autonomy as the ability and possibility of the European Union to pursue an autonomous policy in strategically important areas and on a wide range of issues, from strengthening its defense capabilities to protecting values. The authors give a brief overview of the origins, evolution and crisis of the 'European idea' as the *raison d'être* of European integration and the basis of the European Union's identity. The article also examines the relationship between the categories of identity and strategic autonomy. The main method of the research is discourse analysis at the level of EU's strategic and policy documents. The results of the study have shown that the concept of strategic autonomy offers, both a predictable strategy for behavior in relations with others, and a coherent narrative regarding the EU as a global player. Thus, the authors conclude that by implementing the concept of strategic autonomy the EU can find a way out of its identity crisis.

Keywords: European Union, European integration, strategic autonomy, identity, discourse, normative power, values, ontological security

For citation: Kalugina, P. P., Sergeev, E. A. (2025) 'EU in Search of Identity: Theoretical and Philosophical Aspects of Strategic Autonomy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(1), pp. 28–48. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48>

Вместо введения

Так отчего бы не быть и Европейскому объединению, которое могло бы подарить сильное чувство патриотизма и общей гражданской принадлежности разрозненным народам этого беспокойного и могущественного континента? Почему бы ему не занять своё законное место в ряду других великих объединений, почему не внести свой вклад в формирование будущего человечества?

У. Черчилль¹

Современный мировой порядок находится в процессе становления [Лебедева, 2019: 29]. С окончательным распадом биполярности и затуханием американского «однополярного момента», когда либеральная гегемония США перестала быть привлекательным сценарием для большинства участников мировой политики [Mearsheimer, 2019: 32–42], начался процесс формирования новых центров силы и трансформации системы глобального управления. Перекалибровка мирового порядка зачастую влечёт за собой изменения в структуре связей между его участниками и трансформирует их целеполагание в соответствии с изменениями конъюнктуры. Совокупность этих перемен также может вызывать трансформации на нормативном и ценностном уровнях. Изменения внешней среды и возникающие в связи с этим необходимости (ре)адаптации к новой реальности привычных способов выстраивания взаимоотношений с контрагентами подталкивают субъектов к рефлексии относительно собственной идентичности. Изучение особенностей идентичностных трансформаций способствует углублению понимания мотивации действий акторов во

внешней политике и может стать основой для прогнозирования потенциальных направлений развития внутренней и внешней политики [Мельникова, 2020: 31].

Развивающиеся процессы полицентризации мира порождают дискуссию о том, какой предстанет будущая конфигурация центров силы, какой будет новая иерархия в системе международных отношений. На роль одного из центров силы в новом мировом порядке очевидным образом претендует Европейский союз (ЕС). Однако его амбиции неизбежно ограничиваются кризисными явлениями, характеризующими текущий этап европейской интеграции: несбалансированность экономического и валютного союза, проблемы неконтролируемого миграционного давления, негативные последствия Брекзита и пандемии COVID-19, дефицит солидарности, замедление темпов прироста ВВП на фоне сложностей реиндустриализации и, наконец, последствий эскалации конфликта на Украине на фоне критической зависимости оборонных возможностей ЕС от Соединённых Штатов. Можно в целом говорить о том, что вся существующая модель участия ЕС в глобальной экономике подвергается пересмотру и корректировке [Дрыночкин, Сергеев, 2023].

Существуют и более пессимистичные взгляды на положение дел в ЕС, подталкивающие к мысли о том, что само существование Европейского союза находится под угрозой, возникает вопрос о жизнеспособности и релевантности объединения в принципе². Поиск ответа на этот вопрос тесно связан с пониманием значения концепции *стратегической автономии*. Эта концепция, синонимами которой на настоящий момент являются *открытая стратегическая автономия* и *стратегический суверенитет*, со второй половины 2010-х гг.

¹ Цитата по: Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете // Вестник Европы. — 2009. — Т. XXVI–XXII. — С. 92–94. — URL: <https://www.vestnik-evropy.ru/upload/uf/352/35220eebafbd2257986cf760b33b62d9.pdf>

² На это прямо указывается непосредственно в стратегических документах Европейского союза: «Наш союз в опасности» в Глобальной стратегии ЕС 2016. (European External Action Service. Shared vision, common action: a stronger Europe: a global strategy for the European Union's foreign and security policy // Publications Office, 2016. — P. 1. — URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2871/9875>).

стала одной из центральных тем в официальном дискурсе ЕС³. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что значение концепции стратегической автономии определяется её использованием в качестве инструмента своеобразного (ре)конструирования идентичности ЕС. В условиях некоторого кризиса многих других флагманских инициатив ЕС (речь прежде всего может идти о т.н. «зелёном курсе»⁴), вероятно, именно стратегическая автономия сможет претендовать на структурирование глобальной экономической и международно-политической деятельности ЕС.

Понятийный аппарат и методология исследования

Прежде всего стоит рассмотреть два ключевых для настоящего исследования понятия — стратегическая автономия и идентичность. Несмотря на то, что идея о большей независимости и самостоятельности ЕС сама по себе не является новеллой⁵, в литературе **стратегическая автономия** начала осмысляться относительно недавно. Одной из первых публикаций, в которой предпринята попытка дать определение стратегической автономии и очертить хронологию становления концепта, стал доклад Ф. Мауро «Стратегическая автономия: новый Святой Грааль европейской обороны»⁶. В указанной работе автор исходит из «узкого» толкования стратегической

автономии как самодостаточности в военно-политической сфере. В оборонном ключе о стратегической автономии также рассуждают Г. Чеснакас и Ю. Юозаитис, рассматривая вопрос о том, каким образом курс ЕС на стратегическую автономию влияет на безопасность малых стран [Česnakas, Juozaitis, 2022]. Отход от фокусировки исключительно на оборонных аспектах стратегической автономии можно отметить в работах: Э. Риона (энергетический аспект) [Ryon, 2020], Т. Палма (нормативный аспект) [Palm, 2021], Ж. Миро (экономические аспекты) [Miró, 2023]. Наиболее масштабной попыткой концептуального осмысления стратегической автономии представляется доклад М. Дамена⁷. В указанной работе предлагается рассматривать стратегическую автономию в пяти тематических измерениях (кластерах) — геополитика, демография, окружающая среда, экономика, информация и ценности. Говоря об отечественной литературе, наиболее заметной работой по данной проблематике является коллективная монография «Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией» под ред. Н. К. Арбатовой и А. М. Кокеева [Стратегическая автономия ЕС..., 2020]. В этой работе стратегическая автономия рассматривается через призму вопросов безопасности. Для отдельных авторов существует также довольно чёткая семантическая разница между стратегической автономией и суверенитетом⁸.

³ Damen M. EU strategic autonomy 2013-2023: From concept to capacity: Briefing // Think Tank. European Parliament. — 2022. — 8 jul. — PE 733.589. — P. 1. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)733589](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733589)

⁴ De Backer W. Uncertain future for the EU's Green Deal // European Trade Union Institute. — 2024. — 27 mar. — URL: <https://www.etui.org/news/uncertain-future-eus-green-deal>

⁵ О необходимости большей автономии ЕС в сфере оборонной политики говорилось ещё в 1990-е гг. Так, в 1998 г. по итогам встречи глав правительств Франции и Великобритании в Сен-Мало была подписана декларация, в которой говорилось о необходимости наделить ЕС «способностью самостоятельно принимать решения и действовать, с опорой на надежные вооруженные силы чтобы отвечать на международные кризисы» (Joint Declaration on European Defence issued at the British-French Summit (Saint-Malo, 4 December 1998) // Foreign and Commonwealth Office of the United Kingdom. — 2008. — 2 aug. — URL: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=News&id=2244063>).

⁶ Mauro F. Strategic Autonomy under the Spotlight: The New Holy Grail of European Defence: Report. — Bruxelles: GRIP, 2018. — No. 1. — URL: <https://www.grip.org/strategic-autonomy-the-new-grail-of-european-defense/>

⁷ Damen.

⁸ «Стратегический суверенитет» Евросоюза и интересы России. От теории к политическим рекомендациям / Т. А. Романова., Г. В. Коцур, С. В. Мазаник, Е. Ю. Трещенков // РСМД. — Аналитическая записка № 49/2023. — URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/strategicheskiiy-suverenitet-evrosoyuza-i-interesy-rossii-ot-teorii-k-politicheskimi-rekomendatsiyam/>

Например, Т. А. Романова приходит к выводу о том, что важным компонентом артикуляции суверенитета для ЕС стали ценности [Романова, 2021: 32–44].

Таким образом, в научной литературе на сегодня сложились два подхода к концепции стратегической автономии. В узком смысле стратегическая автономия обычно понимается как независимость ЕС во внешней политике, в особенности в сфере обороны. В более широком смысле стратегическая автономия подразумевает, что Европейский союз стремится обладать достаточными возможностями для проведения самостоятельной политики в стратегически важных областях и по широкому кругу вопросов, от укрепления обороноспособности ЕС до защиты ценностей Союза [Сергеев, Вороников, 2023], и во многом ключевым вопросом становится его критическая зависимость в экономической плоскости [Сидорова, Сидоров, 2023].

Несмотря на многообразие подходов к концептуализации понятия **идентичности** — Р. Бруйбекер и Ф. Купер довольно точно заметили по этому поводу, что «идентичность может означать слишком много..., слишком мало... или вообще ничего» [Brubaker, Cooper, 2001: 1] — для всего разнообразия определений представляется возможным выделить ключевую общую черту. Она состоит в том, что во всех подходах обнаруживается бинарная оппозиция «мы/они»: когда субъект осознаёт своё отличие и обособленность от других субъектов, он начинает осознавать и существование самого себя⁹. Из оппозиции «мы/они» логичным образом следует вывод о наличии двух аспектов идентичности субъекта: внутреннеориентированного индивидуального (что делает меня уникальным? чем я могу гордиться?) и ориентированного вовне коллективного (что определяет мою принадлежность к моей социальной группе?). Этот вывод справедлив прежде всего для идентичности индивидов, однако его

экстраполяция на уровень групповой идентичности представляется вполне обоснованной. Государства также наделены определёнными чертами, которые становятся основанием для гордости и самоуважения. Этот тезис подробно разбирает М. Финнемор [Finnemore, 1996]: она утверждает, что нормы определяют представления государственных лидеров о том, какими чертами должно обладать достойное государство, не с точки зрения государственности по определению (например, суверенитет), а с точки зрения самоуважения (например, мощные вооружённые силы). В этом контексте «политика, основанная на ценностях» (values-based policy) становится своего рода воплощением представлений истеблишмента ЕС о том, чем должно быть наполнено «достойное государство» в условиях объективной сложности приобретения дифференцированным Европейским союзом общей идентичности.

Идентичность не объективна, а дискурсивна, и её существование определяется дискурсивными практиками [Hansen, 2006]. Следовательно, политический дискурс становится центральной практикой воспроизводства политической идентичности. Соответственно, дискурс-анализ предлагает наиболее подходящий инструментарий для реализации настоящего исследования.

Методологически дискурс-анализ вписывается в конструктивистскую парадигму [Holzscheiter, 2014]. Конструктивизм постулирует, что реальность не дана, а постоянно конструируется совместным опытом и идеями: «объекты нашего познания зависят от нашей интерпретации и языка» [Adler, 2002: 95]; «реальность интерсубъективна», что означает, что она «формируется через язык, коммуникацию и дискурс» [Onuf, 1989; Wendt, 1999].

При этом существует широкая и узкая трактовка *политического дискурса*. В широком понимании категория политического дискурса охватывает любой текст или

⁹ Этому тезису не противоречит даже, на первый взгляд, антагонистичный подход П. Рикёра [Рикёр, 2002: 331], который выступает за примат сохранения собственной специфики субъекта — однако же эта специфика не отрицает неизбежности интеракции с Другим: самость защищает от исходящей от Другого сартрианской опасности [Sartre, 1976: 333].

речь, касающиеся политического вопроса или имеющие политическую подоплеку [Blommaert, 2005; Feldman, Landtsheer, 1998; Liebes, Ribak, 1991]. В узком понимании политический дискурс включает в себя речь политиков (в том числе дебаты и интервью) и политические документы [Fairclough, Fairclough, 2012; van Dijk, 1997].

В настоящей работе мы исходим из узкой трактовки дискурса и концентрируемся на анализе ключевых стратегических документов ЕС — «Глобальной стратегии ЕС» 2016 г. и «Стратегического компаса» 2021 г., а также речей главы Европейской комиссии «О положении дел в Европейском союзе» (далее по тексту — SOTEU). Определяющей характеристикой политического дискурса выступает его перформативная сила: он предлагает аудитории специфическую репрезентацию реальности, конечной целью политиков является закрепление предлагаемой репрезентации и последующая трансформация дискурсивной практики в социальную. Закрепление репрезентации происходит за счёт многократного использования лежащих в её основе описаний и интерпретаций [Wilson, 2015: 775–795]. В связи с этим с точки зрения методов настоящего исследования нам представляется необходимым дополнить дискурс-анализ также анализом частотности употребления ключевых слов (контент-анализ).

«Европейская идея»: истоки, эволюция, кризис обоснования *raison d'être* европейской интеграции

Настанет день, когда <...> все вы, нации континента, не утрачивая <...> вашего великолепия своегообразия <...> образуете европейское братство <...> когда мы воочию увидим два гигантских союза — Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы.
В. Гюго¹⁰

Намеренно не останавливаясь на конкретных трактатах и опуская имена выдающихся мыслителей¹¹ своего времени — истории и истокам «европейской идеи» посвящён существенный массив исследовательской литературы [Rougemont, 1966; The Idea of Europe, 2002; Dainotto, 2007; Discourses and Counter-discourses..., 2017; Andrén, 2022; Борко, 2003]¹² — пунктирно наметим лишь основные этапы эволюции идеи о единой Европе. Цель настоящего обзора состоит в том, чтобы проанализировать процесс формирования «европейской идеи» и определить, при каких условиях эта идея была наиболее продуктивной с точки зрения её практической реализации.

Истоки размышлений о Европе как о некоей единой сущности можно проследить ещё в древнегреческой мифологии:

¹⁰ Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Дела и речи. — Москва: Гослитиздат, 1956. — С. 209.

¹¹ В порядке перечисления, чтобы почтить их честь и дать читателю некий ориентир перечислим тех, кого обычно упоминают обзоры и учебники: Пьер Дюбуа (1250–1320) — ему принадлежат первые дошедшие до нас проекты — «О возвращении Святой земли»; Эразм Роттердамский (1469–1536), Эмерик Крюссе (1590–1648), Уильям Пенн (1644–1718) — «Очерк о настоящем и будущем мире в Европе», Ш. де Сен-Пьера (1658–1743) — «Проект вечного мира в Европе», Виктор Гюго (1802–1885), Рихард Куденхове-Калерги (1894–1972).

¹² В иноязычной литературе выделяется специальный номер Bulletin du Centre européen de la culture". — 1960-61. — No 6: Genealogie des grands desseins europeens. — Genève: Centre européen de la culture, 1961. — 91 p. В русскоязычной литературе обращает на себя внимание фундаментальный для отечественной школы труд Европейская интеграция: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) "Международные отношения" и зарубежное регионоведение / под ред. О. В. Буториной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова. — Москва: Аспект пресс, 2016. — 734 с.

в наследство от античной эпохи нам достался миф о похищении Зевсом царской дочери Европы (в качестве оммажа Античности именно этот сюжет открывает экспозицию Музея истории Европы, расположившегося в Брюсселе, столице европейской интеграции, недалеко от здания Европейской комиссии). Если говорить о конкретных истоках европейской цивилизации, то она выросла из трёх корней: греко-римского наследия (первоначально, в принципе Европой называлась Греция), культур варварских народов, которые в конечном итоге положили конец существованию Западно-Римской империи, и христианства [Борко, 2003: 15]. В Средние века христианство стало господствующей формой общественно-го сознания, а Церковь в каком-то смысле превратилась в трансграничный институт в европейском ареале. В результате понятие «христианский мир» стало во много тождественным с понятием «Европа». Сначала католическая церковь стремилась реализовать «европейскую идею» не только проповедью, но и военными методами (вспомним, например, крестовые походы). Затем с ослаблением власти папы и на фоне усиления национально-государственного строительства понимание миссии Церкви было переосмыслено: меч духовный был заменён посохом пастыря, окормляющего Европу как объединение христианских государств. Идею пастырского окормления Церковь объединяла с призывом к христианским государствам выступить союзом для борьбы с иноверцами: арабами в ходе Реконкисты и турками-османами во время экспансии Османской империи на Запад вплоть до конца XVII в. Стоит также отметить, что одним из «конституирующих Других» в рамках рассматриваемого периода и вплоть до Север-

ной войны (1701–1721), которая впервые связала Россию с идеей общеевропейского баланса сил, выступала Россия. По представлениям европейцев, русские были «слишком варварами» и «неполноценными христианами» (из-за неграмотности священников и мусульманством отдельных народов тогдашней России), чтобы быть частью цивилизованной христианской Европы [Нойманн, 2004: 99–105].

Однако с приближением эпохи Просвещения сознание людей становилось всё более секулярным, и идея о Европе как о воплощении единого «христианского мира» постепенно теряла свой объединительный потенциал. Вместе с тем это совершенно не означало, что идея единой Европы утратила свою релевантность — напротив, она приобрела новое звучание¹³. В это время мыслители (У. Пенн, Ш. де Сен-Пьер) основывают свои рассуждения о судьбах Европы на двух идеях — необходимости мира и достижимости этой цели через объединение европейских стран в единую политическую сущность. Однако, несмотря на поиск философией пути к вечному миру¹⁴, реальность европейской политики как в XVIII в., так и в «длинном» XIX в. не позволяла надеяться на немедленное умиротворение Европы.

На фоне того, что в XIX в. национализм стал господствующей идеологией, сохранявшиеся формы европеизма имели ярко выраженную национальную окраску. Наполеон, в частности, находил моральное обоснование своим военным компаниям в тезисе о том, что «различия между европейскими странами несущественны: европейские народы действительно представляют собой один народ и одну нацию с единой религией и традициями, и единственное, чего не хвата-

¹³ Здесь стоит оговориться, что традиция возведения истоков идеи о единой Европе свойственна в большей степени отечественной науке, чем западной — она ставит точку отсчёта непосредственно с началом эпохи Просвещения [Discourses and Counter-discourses..., 2017: 17], [Andrén, 2022: 27].

¹⁴ Многие проекты о единой Европе в некоторой степени перекликаются с высказанной в трактате «К вечному миру» (1795) И. Кантом мыслью о бессрочном договоре для поддержания статуса quo: «Должен существовать особого рода союз, который ... имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и... для других союзных государств» (Цит. по: Кант И. К вечному миру. Сборник. — Москва: Рипол-Классик, 2020. — С. 26).

ет, — это сильной власти, которая объединила бы их в единую систему» [Cit: Dainotto, 2007: 67]. Характерно, однако, что так же в «длинном» XIX в. — в 1849 г. в ходе работы III Конгресса мира — В. Гюго произнес своё знаменитое пророчество о будущем Европы. Приходится вместе с тем констатировать что, несмотря на всю объединительную риторику в интеллектуальных кругах, Realpolitik диктовала совсем другие установки: обострение противостояний за колониальный передел мира (и оспаривание итогов этого передела) привело к затуханию пацифистско-европейского движения.

Новый подъём этого движения приходится на межвоенный период: реакцией на тектонические изменения в международно-политическом ландшафте Европы по итогам Первой мировой войны на фоне разочарования элит и общественности в идеях национализма и империализма стало формирование панъевропейского движения. Более того, оно впервые за долгий путь эволюции идеи о единой Европе получило юридическое оформление: в 1930 г. в Лиге Наций был зарегистрирован меморандум Аристиды Бриана об организации Европейского федерального союза. Однако выход на международную арену в последующее десятилетие блока агрессивных держав, идейное противостояние между марксистами и капиталистами, а также подъём нацизма и фашизма, закончившиеся Второй мировой войной, не способствовали построению единой Европы.

Возрождение Европейской идеи нашло свой исток в рядах движения Соппротивления: идеи панъевропеистов были (ре)концептуализированы в начале

1940-х гг. в манифесте итальянцев А. Спинелли и Э. России «За свободную и объединенную Европу» (*“Per un’Europa libera e unita”*). Авторы манифеста выступали за создание федерации европейских государств с целью предотвращения всех будущих войн посредством выстраивания тесных связей между ними. Новый импульс политическая программа федералистов получила в 1946 г., когда в Париже была основана неправительственная организация «Союз федералистов Европы» (*“L’Union des fédéralistes européens”*)¹⁵, которая функционирует до сих пор. Первым президентом Союза был назначен голландец Г. Бругманс. В своей программной речи на первом съезде Союза, состоявшемся в августе 1947 г. в Монтрё, во многом развивая озвученный за год до этого У. Черчиллем призыв¹⁶, Г. Бругманс сформулировал ключевую идею, объединявшую федералистов Европы: необратимое демократическое европейское единство может быть достигнуто только через строительство европейского федеративного государства; при этом европейское единство, с одной стороны, позволит Европе сохранить независимость от СССР и США, и, с другой стороны, станет решающим шагом к международному миру и безопасности на основе общемировой интеграции¹⁷. Идеи Бругманса во многом перекликаются с идеями одного из «отцов» европейской интеграции П. А. Спаака — он принял активное участие в создании так называемого «Европейского движения», которое дало толчок к созданию Совета Европы и, в конечном итоге, Европейского экономического сообщества [Криулина, 2009: 81]. Стоит также заметить, что значимую роль

¹⁵ «Союз федералистов Европы» вообрал в себя два уже существовавших на тот момент движения за объединение Европы: итальянское «Европейское федералистское движение» (*Movimento Federalista Europeo*) 1943 г. и французское «Французский комитет за европейскую федерацию» (*Le Comité français pour la Fédération européenne*) 1944 г.

¹⁶ В короткой речи, произнесенной в сентябре 1946 г. по случаю присвоения ему степени почётного доктора наук, Черчилль напомнил о «серии страшных националистических ссор», которые привели Европу к трагедии, и призвал «воссоздать европейскую семью».

¹⁷ Brugmans H. Fundamentals of European federalism, being the speech delivered at the Conference of the European Union of Federalists, at Montreux in August 1947, brought up-to-date for publication — London: British Section of European Union of Federalists, 1948. — 19 p. — URL: https://www.cvce.eu/en/obj/address_given_by_henri_brugmans_montreux_27_to_31_august_1947-en-289952c0-a6b8-4f1e-9f3e-782da1ef8455.html

в процессе «объединения» Европы сыграли внешние факторы, а именно деятельность США, план Маршалла и функционирование Организации европейского сотрудничества и развития [Буторина, Борко, 2022]. Своеобразная кристаллизация европейской идеи нашла своё воплощение в Декларации Р. Шумана, которая закрепляла стремление построить единую Европу на основе принципов мира, демократии, экономического благосостояния и социального консенсуса. С Декларацией заканчивается эволюция «европейской идеи» в философском смысле и начинается процесс развития европейской интеграции, ведь именно в такой логике эта трансформация обычно рассматривается в ЕС. Европейский союз, по сути, пытается взять на себя основную ответственность за «судьбу Европы» и замкнуть на себе идейную эволюцию панъевропейского проекта.

По итогам беглого обзора представляется возможным сформулировать мысль о том, что наибольшую продуктивность «европейская идея» имела в те периоды, когда Европа находилась в состоянии чёткой бинарной оппозиции «мы/они». Трансформация идеи «единой Европы» в конкретные практические проекты объединения западноевропейских государств, разделяющих общие ценности и экономические цели, произошла во многом в противовес Советскому Союзу и социалистическому блоку. Биполярная логика в конечном итоге стала для европейских стран чётким ориентиром в оппозиции «мы/они». Таким образом, биполярный миропорядок оказался благоприятным для европейской интеграции: европейские страны (и в особенности их элиты) начали если не консолидироваться вокруг общих идей, устремлений и ценностей, то по крайней мере ассоциировать себя с ними (пусть в некоторых случаях наполнение этих идей и было разнообразным).

После распада биполярного порядка взаимодействие между ЕС и его контрагентами стали описываться в терминах нормативной силы, т.е. силы ценностей и идей [Manners, 2002]. Нормативные цели и ценности интеграции (поддержание мира, уважение и защита человеческих прав и достоинства, защита базовых свобод, демократии, равенства, справедливости и солидарности, а также устойчивого развития — но в наполнении и понимании институтов ЕС) получили закрепление в документах ЕС и в риторике наднациональной политической элиты [Игумнова, 2011]. ЕС в значительной степени осознаёт себя как «Я» — единую политическую сущность, а не общность отдельных государств-членов через эти общие ценностные установки, которые проявляются и во внутренней, и во внешней (values-based policy) политике. Вместе с тем, стоит отметить, что в аспекте взаимодействия с внешним миром нормативная сила должна оказывать на реципиента социализирующий эффект [Manners, 2002]. Происходит как бы стирание границ между агентом и реципиентом нормативной силы — построение «общества единых норм»¹⁸ при одновременном стирании границы оппозиции «мы/они». Более того, исследователи всё чаще указывают на кризис ЕС как нормативной силы [Погорельская, 2021; Diez, 2021: 253]. Этот кризис обусловлен не только усилением евроскептицизма, кризисом солидарности и ценностными разногласиями внутри Союза (например, вопрос об абортах в Польше), и даже не столько сложностями последовательного выстраивания отношений с контрагентами в соответствии с собственными ценностями (например, проблема миграционного кризиса), сколько глобализацией ряда норм, проводником которых начиная с послевоенного времени ЕС себя позиционировал. Такие ценностные установки как, например,

¹⁸ Это интересным образом коррелирует с объяснением интеграции К. Дойчем как построения «сообщества безопасности» [Deutsch, 1957], в особенности, если обратить внимание на такие инструменты реализации нормативной силы ЕС как гуманитарная интервенция, помощь развитию и устойчивое развитие.

уважение прав и свобод человека в какой-то момент перестали зависеть от национальных или культурных рамок [Riddervold, 2010]. Соответственно, такие глобальные и всеобщие ценности больше не могут выступать в качестве способа отделения Я от Другого. Отдельно стоит отметить и разные подходы в «конструировании» одних и тех же ставших глобальными ценностей со стороны ЕС и его контрагентов.

В условиях размывания очертаний Другого ЕС испытывает острую необходимость переизобретения собственной идентичности. Эта необходимость обусловлена связью идентичности с онтологической безопасностью [Giddens, 1984]. Возникнув первоначально в социологии, концепция онтологической безопасности перешла в теорию международных отношений. Сначала она находит место в трудах А. Вендта [Wendt, 1999] и Дж. Хейсмана [Huysmans, 1998], а затем получает развитие в работах Дж. Митцен и К. Киннвалл [Kinnvall, Mitzen, 2020;]. Суть онтологической безопасности заключается в том, что социальные акторы предпочитают ощущать стабильность и непрерывность собственной сущности во времени, посредством чего они могут реализовать чувство собственной агентности [Kinnvall, Mitzen, 2020: 244]. Противоположное онтологической безопасности состояние характеризуется утратой субъектами способности поддерживать непрерывный нарратив о себе, посредством которого они определяют стратегию своего поведения, свои действия и бытие. Краеугольный камень онтологической безопасности составляют привычки и рутины в отношениях с Другими¹⁹ [Mitzen, 2006: 344]. Рутины, с одной стороны, обеспечивают ощущение нормальности и позволяют преодолевать возникающие на пути вызовы с чётким пониманием того, что представляет угрозу, а что нет. Таким образом, рутины

в отношениях с Другими в конечном итоге поддерживают идентичность. Сегодня, когда контуры европейской идеи становятся всё более размытыми, ЕС всё глубже погружается в состояние онтологической небезопасности, которое усугубляется объективными физическими угрозами.

Стратегическая автономия — новая «европейская идея»?

Провал подписания Конституции ЕС в 2005 г. обнажил всю остроту принципиальной дилеммы, с которой столкнулась политическая интеграция: отношение между национальной идентичностью государств и наднациональной идентичностью ЕС. Хотя обе политики в теоретическом плане можно в равной степени определить в качестве воображаемых сообществ [Anderson, 1991], на практике для граждан ЕС национальное символическое пространство оказалось ближе наднационального.

Одна из причин связана с вопросом об акторности (субъектности). Несмотря на неоднократно звучавший тезис об отмирании Вестфальского государства²⁰, более-менее очевидным является тот факт, что на сегодняшний день именно государство остается ключевым участником мировой политики [Харкевич, 2010: 160]. И если акторность национального государства в связи с этим является атрибутом, присущим ему по умолчанию, то по поводу акторности Европейского союза всё ещё существует дискуссия относительно того, как она соотносится с акторностью государств-членов, становится ли она сильнее или слабее и т.д. Именно с этим во многом связана сложность осмысления идентичности ЕС: не представляется возможным говорить о существовании более-менее стройного подхода к её теоретическому осмыслению, несмотря на попытки анализа европейской интеграции

¹⁹ Под Другим в работе Митцен и в настоящей статье понимается «совокупность отличий от Я в качестве конституирующих факторов образа самого себя, в качестве подтверждения собственного существования» (The Oxford Companion to Philosophy / ed. by T. Honderich. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — P. 637).

²⁰ Концепция, согласно которой национальное государство обладает всей полнотой власти во внешнеполитических вопросах.

через идентитарный компонент, предпринятые ещё Э. Хаасом («смещение лояльности в сторону наднациональных институтов [Haas, 1960: 733] и К. Дойчем («чувство общности» [Deutsch, 1957: 30]), а также существенный массив литературы [Семёненко, 2008; Identity, migration, and..., 1993; Shore, Black, 2021; Risse, 2002; 2003; 2005; Bruter, 2005]²¹.

Другая причина обусловлена разрывом между темпоральными режимами, в которых, с одной стороны, существует ЕС и, с другой стороны, страны-члены. ЕС как единая политика существует в темпоральности постмодерна, для которого характерно отрицание запроса на суверенитет [Харкевич, 2010: 161–163]. Национальные государства находятся в темпоральности модерна, для которой характерно формулирование запроса на суверенитет и территориальные границы, а также отделение внутренней политики от внешней [Харкевич, 2010: 161–163]. Очевидно, что для преодоления этого разрыва ЕС необходимо средство, которое могло бы реактуализировать объединяющую «европейскую идею», помогло бы сконструировать некую мифологию/идеологию, функция которых как раз состоит в создании символического универсума социальной общности [Бергер, Лукман 1995: 157–159]. Этим средством стало формирование дискурса о *стратегической автономии*, который, обладая перформативной силой (способностью дискурса/текста осуществлять действия, создавать факты и формировать новую реальность, а не просто обозначать их [Austin, 1962; Barthes, 1964; Habermas, 1987]) может восстановить оппозицию «мы/они» и тем самым стать инструментом формирования идентичности ЕС.

Впервые концепт стратегической автономии возник в официальном дискурсе ЕС в 2013 г. в выводах Европейского совета

ОПБО ЕС, где указывалось на необходимость создания более устойчивой и конкурентоспособной оборонной, технологической и промышленной базы для развития оборонного потенциала ЕС, усиления стратегической автономии Союза и его способности взаимодействовать с партнёрами²². Качественно новый импульс дискуссия о стратегической автономии получила в 2016 г., когда термин был четыре раза употреблен в программном документе Глобальная стратегия безопасности²³. В тексте документа она увязывалась не только с повышением глобальной акторности (большей активности ЕС в мировой политике), но и с безопасностью ЕС и соседних регионов, а также с защитой его принципов и ценностей. После этого концепт стратегической автономии периодически появлялся в Заключениях Европейского совета, в риторике главы Европейского Совета. Контекст употребления концепта расширялся от сугубо оборонной сферы к включению цифровой и технологической сферы (цифровой и технологический суверенитет), космоса и экономики (развитие промышленности и диверсификация стоимостных цепочек). Подробную подборку таких текстовых документов и речей составил аналитический центр Европейского парламента²⁴. Важный этап в развитии дискурса о стратегической автономии начался с приходом к власти во Франции Эммануэля Макрона, когда от «узкой» оборонной трактовки стратегическая автономия приросла идентитарным компонентом. «Европейский проект» Макрона, презентованный в рамках предвыборной кампании 2017 г. заключался в реформировании ЕС на основе двух принципов — укрепления европейской идентичности (с точки зрения защиты ценностей) и европейского суверенитета (с точки зрения по-

²¹ Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Л. А. Андреева, А. Л. Бардин, И. И. Барринов [и др.]. — Москва: Весь Мир, 2017. — 992 с.

²² European Council. Conclusions. — 2013. — 19/20 Dec. — EUCO 217/13. — URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-217-2013-INIT/en/pdf>

²³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016. — Jun. — URL: <https://clck.ru/3A7euq>

²⁴ Damen.

вышения обороноспособности) [Арбатова, 2019]. Акцент на нормативном компоненте — не умаляя оборонного и экономического измерения — сделан и в последнем концептуальном документе, связанном со стратегической автономией, — Стратегическом компасе ЕС (2022): в качестве одной из целей документ провозглашает укрепление способности совместной работы с партнёрами для защиты ценностей ЕС. Таким образом, в рамках концепции стратегической автономии ЕС принимает на себя миссию сделать мир вокруг себя²⁵ более безопасным и справедливым, а также стать локомотивом в ряде приоритетных областей, например, в устойчивом развитии и цифровизации.

В рамках настоящего исследования было проанализировано 15 стратегических документов: «Глобальная стратегия по внешней политике и безопасности ЕС» 2016 г. и «Стратегический компас обороны и безопасности ЕС» 2021 г., а также ежегодные выступления главы Европейской комиссии «О положении дел в Европейском союзе» (далее по тексту — SOTEU)²⁶. На протяжении периода 2010–2023 гг. в рассматриваемых документах звучал тезис о необходимости усиления сотрудничества в сфере обороны и создания «оборонного союза». При этом до 2016 г. приоритеты SOTEU выглядели большей частью как реакция на внешний шок: лейтмотивом стала идея о необходимости преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008 г. и кризиса еврозоны 2014–2015 гг. После 2016 г. тексты стали ориентироваться не на преодоление текущих кризисов, а на долгосрочное стратегическое планирование: теперь речь ведётся об укреплении потенциала

ЕС как торговой державы (trade power) и глобального игрока, более ясно стали артикулироваться приоритеты в области реиндустриализации, «зелёного развития» и цифровизации, а также было более чётко обозначено стремление ЕС повышать своё значение как глобального политического актора. Кульминацией процесса усиления роли политического в программных документах ЕС стало появление термина «геополитический» (контекст — геополитические интересы ЕС) в SOTEU 2019 г. Таким образом, элементы дискурса о стратегической автономии в её широком толковании возникают в документах с 2016 г. (т.е. после принятия «Глобальной стратегии по внешней политике и безопасности ЕС»). В связи с этим для финального этапа анализа документы до 2016 г. отсекаются.

Примечательно, что ни один официальный документ ЕС не фиксирует строгого определения концепции стратегической автономии. Такая попытка была сделана аналитическим центром Европейского парламента в докладе М. Дамена «Стратегическая автономия ЕС 2013–2023: от концепции к возможностям». В докладе говорится, что «стратегическая автономия ЕС означает способность ЕС действовать автономно — то есть не зависеть от других стран — в стратегически важных областях политики. Это могут быть самые разные области — от оборонной политики до экономики и способности защищать демократические ценности»²⁷. Обзор торговой политики 2021 г. дополняет эту дефиницию акцентировкой того, что ЕС сохраняет свою приверженность открытости и сотрудничеству, а также подчеркивает важность стрессоустойчивости и справедливости²⁸. На основе этих

²⁵ Масштабы этой Ойкумены распространяются прежде всего на ближний круг соседей — в Глобальной стратегии 2016 г. в специальном разделе «Resilience in our Surrounding Regions» делается акцент на безопасности и стабильности в странах-лимитрофах, также в документе есть раздел, посвящённый безопасности в Средиземноморском регионе, на Ближнем Востоке и в Африке.

²⁶ Начиная с 2010 г., председатель Европейской комиссии готовит речь «О положении дел в Европейском союзе» каждый год, кроме года окончания мандата Комиссии. Таким образом, автор рассматривает речи за 2010–2023 гг.

²⁷ Damen.

²⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy // European Commission. — 2021. — 18 feb. — COM/2021/66 final. — URL: <https://clck.ru/39LA2r>

двух дефиниций автором были выделены 12 слов-маркеров дискурса о стратегической автономии: *autonomy* (автономия), *sovereignty* (суверенитет), *independence* (независимость), *dependence* (зависимость), *resilient* (устойчивость), *interest* (интерес), *values* (ценности), *fair* (справедливость), *solidarity* (солидарность), *cooperation* (сотрудничество), *partner* (партнёр), *open* (открытость). Валидность выборки подтверждает машинный отбор ключевых слов по 11 отобраным документам²⁹. Над предфинальным этапом составления базы данных был отсеян маркер *independence* как статистически незначимый (частота употребления ни в одном из документов не превысила двух раз). При этом автор намеренно не считает *independence* производным от *dependence*: маркер *dependence* (и производные, чаще в форме *dependencies*)

встречается в документах достаточно часто и обычно касается сферы технологий, энергетики и критически важного сырья. Таким образом, формируется нарратив о зависимости ЕС в некоторых чувствительных областях и необходимости его преодоления без формирования нарратива о поиске больше независимости.

Валидность выборки слов-маркеров подтверждает матрица корреляций (см. Рис. 1). Среди 11 маркеров только две лексемы *fair* и *sovereignty* ни в одном случае не демонстрируют значимую корреляцию. Наибольший потенциал корреляции демонстрируют маркеры *autonomy*, *resilient*, *interest*, *values*, *cooperation*, *partner*. Следовательно, представляется возможность расценивать их как базовые лексемы дискурса стратегической автономии.

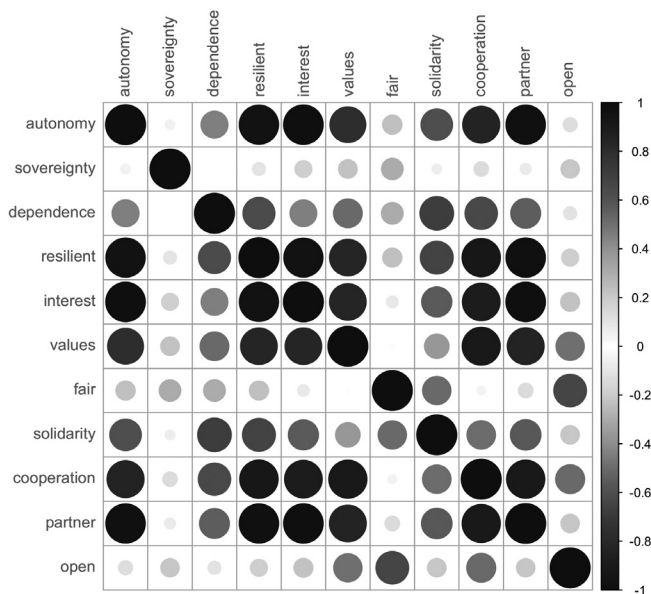

Рис. 1 Матрица корреляции маркеров дискурса стратегической автономии
Fig. 1 Correlation matrix of strategic autonomy discourse markers

²⁹ Методические замечания: 1) в анализе учитываются все производные от ключевых слов; 2) там, где у лексической единицы может быть внешнее и внутренне дискурсивное измерение в анализе учитывается употребление только с точки зрения внешнего измерения (напр., *cooperation* употребляется как относительно сотрудничества между странами-членами, так и для описания отношений с третьими странами — учитывается только второй вариант); 3) в выборку слов-маркеров намеренно не включена лексема *defense* (оборона), т.к. она не является эксклюзивным элементом дискурса о стратегической автономии: начало становления дискурса о том, что Европа нуждается в повышении самостоятельности своей обороны восходит, как уже упоминалось выше, к 1990 гг.; 4) в выборку слов-маркеров, несмотря на высокую частотность их употребления в рассматриваемых документах, не включены лексемы *sustainable* (устойчивое развитие), *digital* (цифровой), *technology* (технология), *innovation* (инновации), так как они носят скорее функциональный, а не концептуальный характер.

При этом с точки зрения частоты употребления лидируют маркеры partner, cooperation, values. От них несколько

отстают маркеры resilient, interest. Маркер autonomy практически замыкает список (см. Рис. 2).

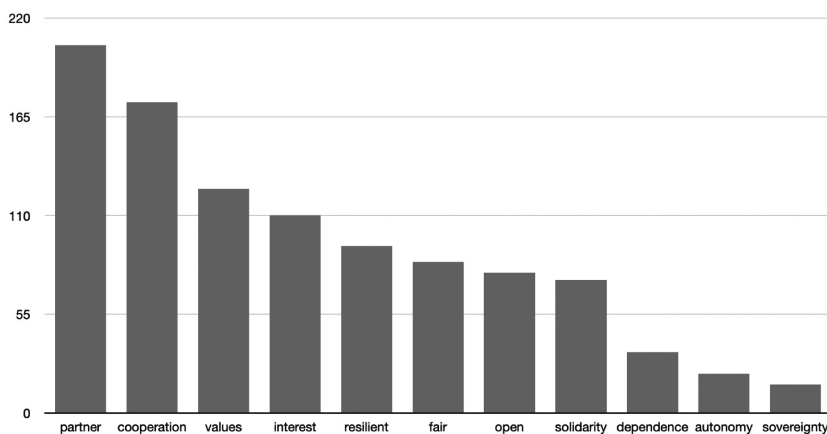

Рис 2. Частота употребления маркеров дискурса стратегической автономии в документах ЕС
Fig. 2. Frequency of use of strategic autonomy discourse markers in EU documents

Это свидетельствует о том, что сущностным значением для дискурса обладают прежде всего маркеры partner, cooperation, values. Значит, Европейский союз не отказывается от традиционной ставки на нормативное измерение своей силы. При этом ценности и социализирующее измерение нормативной силы (выражающееся в ориентации на сотрудничество) перестают быть самоцелью и всё больше подчиняются интересам и стремлением к достижению стрессоустойчивости. Высокая корреляция этих маркеров с лексемой autonomy свидетельствует о попытке ЕС отделить свои сущностные (идентитарные) характеристики от Других, восстановить оппозицию «мы/они». Таким образом, концепция стратегической автономии выступает инструментом реактуализации отличия между собственными ценностями и ценностями Других и становится инструментом (ре)конструирования идентичности ЕС.

Закключение

Итак, истоки идеи о единой Европе можно обнаружить в самом начале европейской истории, в эпоху Средневековья. При этом наибольшую продуктивность «европейская идея» имела тогда, когда Европа

и её конституирующие Другие находились в состоянии чёткой оппозиции мы/они. В этом смысле идеологическое противостояние в рамках биполярной системы выступило фактором, способствующим европейской интеграции. С момента возникновения Европейского союза в основу его идентичности легли вполне прагматические ценности. ЕС стал осознавать себя единой политической «сущностью», а не общностью отдельных государств-членов через общие ценностные установки, что нашло своё отражение в особом способе выстраивания отношений с Другими — ценностно-обусловленной внешней политике (values-based policy). Однако снижение нормативной силы ЕС привело к размыванию контуров европейской идеи, а ряд внешних шоков и кризисные явления в европейской интеграции в целом спровоцировали кризис идентичности ЕС. Ответом на этот кризис стала концепция стратегической автономии. Возникнув в дискурсе впервые в 2013 г. в контексте повышения обороноспособности, стратегическая автономия прирастала новыми аспектами и теперь в широком понимании включает максимально широкий круг вопросов — от торговой до политики в области защиты ценностей. В целом в рамках концепции стратегической автономии

ЕС принимает на себя миссию стать глобальным игроком, чтобы сделать мир вокруг себя более безопасным, благополучным и нацеленным на развитие посредством взаимовыгодного сотрудничества с партнёрами при защите своих ценностей и интересов. Установка на сотрудничество и улучшение мира вокруг в целом соответствует социализирующей функции нормативной силы. Кроме того, по результатам контент-анализа, ценности входят в тройку наиболее часто употребляющихся в стратегических документах лексем. Из этого следует вывод о том, что Европейский союз продолжает воспринимать свою идентичность через ценности. При этом ценности не являются самоцелью, так как в дискурсе ЕС

ценностная политика должна соответствовать интересам ЕС и способствовать повышению его глобальной акторности посредством автономии в стратегически важных областях. Следовательно, концепция стратегической автономия становится инструментом (ре)конструирования идентичности ЕС, т.к. а) предлагает чёткую стратегию поведения в отношениях с Другими (выраженную в стремлении к самостоятельности и независимости, с одной стороны и роли тренд-сеттера, например, в устойчивом развитии и цифровизации, с другой стороны); б) представляет собой попытку обеспечить целостность нарратива о ЕС как глобальном игроке, источнике безопасности и благополучия внутри и вовне своих границ.

Список литературы:

- Арбатова Н. К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 6. — С. 36–52. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04>
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — Москва: Медиум, 1995. — 323 с.
- Борко Ю. А. От европейской идеи — к единой Европе. — Москва: Деловая литература, 2003. — 464 с.
- Буторина О. В., Борко Ю. А. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. — 2022. — № 1. — С. 5–20. <https://doi.org/10.31857/S0201708322010016>
- Дрыночкин А. В., Сергеев Е. А. Глава 10. Европейский союз: новые тенденции участия в процессах глобализации // Новые тренды в экономической глобализации. — Москва: Аспект Пресс, 2023. — С. 165–192.
- Игумнова Л. О. Нормативные цели внешней политики Европейского союза // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2011. — Т. 1. — С. 154–169.
- Криулина, И. В. Деятельность П-А. Спаака в сфере европейской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2009. — № 2. — С. 79–86.
- Лебедева М. М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 9. — С. 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>
- Мельникова С. В. Существует ли европейская идентичность? Анализ ценностных оснований европейского единства на примере посреднической роли ЕС в палестино-израильском конфликте // Концепт: философия, религия, культура. — 2020 — Т. 4, № 3. — С. 29–42. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>
- Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — Москва: Новое издательство, 2004. — 335 с.
- Погорельская А. М. Нормативная сила ЕС в контексте европейской политики развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 456–474. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.406>

- Рикёр П. История и истина. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. — 399 с.
- Романова Т. А. Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержания и последствия // Современная Европа. — 2021. — No 5. — С. 32–44. <https://doi.org/10.15211/soveurope520213244>
- Семененко И. С. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. — 2008. — № 3. — С. 80–96.
- Сергеев Е. А., Воротников В. В. Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? — Москва: МГИМО-Университет, 2023. — 52 с.
- Сидорова Е., Сидоров А. Стратегическая автономия Европейского Союза в экономике: концепция и проблемы реализации // Международные процессы. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 119–142. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7>
- Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / Н. К. Арбатова, Т. Н. Андреева, Ф. А. Басов [и др.]. — Москва: Весь Мир, 2020. — 368 с.
- Харкевич М. В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6. — С. 160–166. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-160-166>
- Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations. — London: SAGE Publications Ltd, 2002. — P. 95–118. <https://doi.org/10.4135/9781848608290.n5>
- Anderson B. R. O. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. — London: Verso, 1991. — xv, 224 p.
- Andrén M. Thinking Europe: A History of the European Idea Since 1800. — New York: Berghahn Books, 2022. — 364 p. <https://doi.org/10.3167/9781800735699>
- Austin J. L. How to do Things with Words: the William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. — Cambridge: The Harvard University Press, 1962. — vii, 166 p.
- Barthes R. Éléments de sémiologie // Communications. — 1964. — No. 4. — P. 91–135.
- Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — xvi, 299 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610295>
- Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity” // Theory and Society. — 2000. — Vol. 29, No. 1. — P. 1–47. <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>
- Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity. — London: Palgrave Macmillan UK, 2005. — XVI, 221 p. <https://doi.org/10.1057/9780230501539>
- Česnakas G., Juozaitis J. European Strategic Autonomy and Small States’ Security. — London: Routledge, 2022. — 242 p. <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
- Dainotto R. Europe (in Theory). — Durham: Duke University Press, 2007. — 288 p. <https://doi.org/10.1215/9780822389620>
- Deutsch K. W. Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience. — Princeton: Princeton University Press, 1957. — xiii, 228 p.
- Diez T. X. The End or the Beginning of Normative Power Europe? Transcendence and the Crisis of European Foreign Policy // Soft-Power Internationalism: Competing for Cultural Influence in the 21st-Century Global Order. — New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2021. — P. 251–273. <https://doi.org/10.7312/bayk19544-012>
- Discourses and Counter-discourses on Europe: From the Enlightenment to the EU / ed. Ceretta M., Curli B. — New York: Routledge, 2017. — 284 p. <https://doi.org/10.4324/9781315636474>
- Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. — London: Routledge, 2012. — 280 p <https://doi.org/10.4324/9780203137888>
- Feldman O., De Landtsheer C. Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. — Westport: Greenwood, 1998. — x, 212 p.
- Finnemore M. National Interests in International Society. — Ithaca: Cornell University Press, 1996. — xi, 154 p.
- Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. — Cambridge: Polity Press, 1984. — xxxvii, 402 p.

- Haas E.B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // International Organization. — 1970. — Vol. 24, No. 4. — P. 606–646. <https://doi.org/10.1017/S0020818300017495>
- Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2 : Lifeworld and system : a critique of functionalist reason. — Boston: Beacon Press, 1987. — 457 p.
- Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. — London: Routledge, 2006. — 288 p. <https://doi.org/10.4324/9780203236338>
- Holzschleiter A. Between Communicative Interaction and Structures of Signification: Discourse Theory and Analysis in International Relations // International Studies Perspectives. — 2014. — Vol. 15, No. 2. — P. 142–162. <https://doi.org/10.1111/insp.12005>
- Huysmans J. Security! What Do You Mean?: From Concept to Thick Signifier // European Journal of International Relations. — 1998. — Vol. 4, No. 2. — P. 226–255. <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>
- Identity, migration, and the new security agenda in Europe / O. Waever, B. Buzan, M. Kelstrup, et al. — New York: St. Martin's Press, 1993. — x, 221 p.
- Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: thinking with and beyond Giddens // International Theory. — 2020. — Vol. 12, No. 2. — P. 240–256. [10.1017/S175297192000010X](https://doi.org/10.1017/S175297192000010X)
- Liebes T., Ribak R. A Mother's Battle Against TV News: A Case Study of Political Socialization // Discourse & Society. — 1991. — Vol. 2, No. 2. — P. 203–222. <https://doi.org/10.1177/0957926591002002004>
- Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. — 2002. — Vol. 40, No. 2. — P. 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
- Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. — 2019. — Vol. 43, No. 4. — P. 7–50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Miró J. Responding to the global disorder: the EU's quest for open strategic autonomy // Global Society. — 2023. — Vol. 37, No. 3. — P. 315–335. <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2110042>
- Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. — 2006. — Vol. 12, No. 3. — P. 341–370. <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>
- Onuf N. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. — Columbia: University of Carolina Press, 1989. — 341 p.
- Palm T. Normative Power and EU Strategic Autonomy // The Future of European Strategy in a Changing Geopolitical Environment: Challenges and Prospects. — Hague: The Hague Center for Strategic Studies, 2021. — P. 25–27.
- Riddervold M. 'A matter of principle'? EU foreign policy in the International Labour Organization // Journal of European Public Policy. — 2010. — Vol. 17, No. 4. — P. 581–598. <https://doi.org/10.1080/13501761003673401>
- Risse T. Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration // Journal of European Public Policy. — 2005. — Vol. 12, No. 2. — P. 291–309. <https://doi.org/10.1080/13501760500044033>
- Risse T. The Euro between national and European identity // Journal of European Public Policy. — 2003. — Vol. 10, No. 4. — P. 487–505. <https://doi.org/10.1080/1350176032000101235>
- Risse T., Engelmann-Martin D. Identity Politics and European Integration: The Case of Germany // The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 287–316. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511496813.014>
- Rougemon D. d The idea of Europe. — New York: Macmillan, 1966. — xii, 434 p.
- Ryon E. European strategic autonomy: Energy at the heart of European security? // European View. — 2020. — Vol. 19, No. 2. — P. 238–244. <https://doi.org/10.1177/1781685820968302>
- Sartre J.-P. L'être et le néant; essai d'ontologie phénoménologique. — Paris: Gallimard, 1976. — 848 p.
- Shore C., Black A. Citizens' Europe and the Construction of European Identity // The Anthropology of Europe: Identities and Boundaries in Conflict. — London: Routledge, 2021. — P. 275–298. <https://doi.org/10.4324/9781003135197-13>

The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / ed. Pagden A. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — x, 377 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511496813>

van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? // *Belgian Journal of Linguistics*. — 1997. — Vol. 11. — P. 11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>

Wendt A. *Social Theory of International Politics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — xvi, 433 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

Wilson J. *Political Discourse // The Handbook of Discourse Analysis*. — Chichester: Wiley, 2015. — P. 775–794. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch36>

References:

Adler, E. (2002) 'Constructivism and International Relations', in *Handbook of International Relations*. London: SAGE Publications Ltd, pp. 95–118. <https://doi.org/10.4135/9781848608290.n5>

Anderson, B. R. O. (1991) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.

Andrén, M. (2022) *Thinking Europe: A History of the European Idea Since 1800*. New York; Oxford: Berghahn Books. <https://doi.org/10.3167/9781800735699>

Arbatova, N. K. (2019) 'Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention?', *Polis. Political Studies*, (6), pp. 36–52. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04>

Arbatova, N. K. et al. (2020) *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej* [EU strategic autonomy and prospects for co-operation with Russia]. Moscow: Ves` mir Publ. (In Russian).

Austin, J. L. (1962) *How to do Things with Words : the William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Cambridge: The Harvard University Press.

Barthes, R. (1964) 'Éléments de sémiologie', *Communications*, (4), pp. 91–135.

Berger, P. L. and Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, N.Y.: Doubleday. (Russ. ed.: (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium Publ.).

Blommaert, J. (2005) *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610295>.

Borko, Yu. A. (2003) *Ot Evropejskoj idei k edinoj Evrope* [From the European Idea to a united Europe]. Moscow: Delovaya literatura Publ. (In Russian).

Brubaker, R. and Cooper, F. (2000) 'Beyond "identity"', *Theory and Society*, 29(1), pp. 1–47. <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>

Bruter, M. (2005) *Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity*. London: Palgrave Macmillan UK. <https://doi.org/10.1057/9780230501539>

Butorina, O. V. and Borko, J. A. (2022) 'Benefits of Regional Integration: towards Redefining the Concept', *Contemporary Europe*, (1), pp. 5–20. (In Russian).

Ceretta, M. and Curli, B. (eds) (2017) *Discourses and Counter-discourses on Europe: From the Enlightenment to the EU*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315636474>

Česnakas, G. and Juozaitis, J. (2022) *European Strategic Autonomy and Small States' Security*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003324867>

Dainotto, R. (2007) *Europe (in Theory)*. Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822389620>

Deutsch, K. W. (1957) *Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press.

Diez, T. (2021) 'X The End or the Beginning of Normative Power Europe? Transcendence and the Crisis of European Foreign Policy', in *Soft-Power Internationalism: Competing for Cultural Influence in the 21st-Century Global Order*. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, pp. 251–273. <https://doi.org/10.7312/bayk19544-012>

van Dijk, T. A. (1997) 'What is Political Discourse Analysis?', *Belgian Journal of Linguistics*, 11, pp. 11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>

Drynochkin, A. V. and Sergeev, E.A. (2023) 'Glava 10. Evropejskij soyuz: novye tendencii uchastiya v processah globalizacii [Chapter 10. European Union: New Trends in Economic Globalization]', in *Novye trendy v ekonomicheskoy globalizacii [New Trends in Economic Globalization]*. Moscow: Aspekt Press, pp. 165–192. (In Russian).

Fairclough, I. and Fairclough, N. (2012) *Political Discourse Analysis*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203137888>

Feldman, O. and De Landtsheer, C. (1998) *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere*. Westport: Greenwood.

Finnemore, M. (1996) *National Interests in International Society*. Ithaca: Cornell University Press.

Giddens, A. (1984) *The constitution of society : outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press.

Haas, E. B. (1970) 'The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing', *International Organization*, 24(4), pp. 606–646. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818300017495>

Habermas, J. (1987) *The theory of communicative action. Vol. 2 : Lifeworld and system : a critique of functionalist reason*. Boston: Beacon Press.

Hansen, L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203236338>

Holzschneider, A. (2014) 'Between Communicative Interaction and Structures of Signification: Discourse Theory and Analysis in International Relations', *International Studies Perspectives*, 15(2), pp. 142–162. <https://doi.org/10.1111/insp.12005>

Huysmans, J. (1998) 'Security! What Do You Mean?: From Concept to Thick Signifier', *European Journal of International Relations*, 4(2), pp. 226–255. <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>

Igumnova, L. O. (2011) 'Normative Aims of the European Union Foreign Policy', *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, pp. 154–169. (In Russian).

Kharkevich, M. V. (2010) 'The State in Contemporary World Politics', *MGIMO Review of International Relations*, (6), pp. 160–166. (In Russian).

Kinnvall, C. and Mitzen, J. (2020) 'Anxiety, fear, and ontological security in world politics: thinking with and beyond Giddens', *International Theory*, 12(2), pp. 240–256. <https://doi.org/10.1017/S175297192000010X>

Kriulolina, I. V. (2009) 'P-H. Spaak Activities in the Sphere of European Integration', *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series International relations*, (2), pp. 79–86. (In Russian).

Lebedeva, M. (2019) 'Modern Megatrends of World Politics', *World Economy and International Relations*, 63(9), pp. 29–37. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>

Liebes, T. and Ribak, R. (1991) 'A Mother's Battle Against TV News: A Case Study of Political Socialization', *Discourse & Society*, 2(2), pp. 203–222. <https://doi.org/10.1177/0957926591002002004>

Manners, I. (2002) 'Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?', *Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>

Mearsheimer, J.J. (2019) 'Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order', *International Security*, 43(4), pp. 7–50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00342

Melnikova, S. V. (2020) 'Does the European Identity Really Exist? An Analysis of the European Unity Value Foundations in the Case of Its Mediatory Role in The Israeli-Palestinian Conflict', *Concept: philosophy, religion, culture*, 4(3), pp. 29–42. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>

Miró, J. (2023) 'Responding to the global disorder: the EU's quest for open strategic autonomy', *Global Society*, 37(3), pp. 315–335. <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2110042>

- Mitzen, J. (2006) 'Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma', *European Journal of International Relations*, 12(3), pp. 341–370. <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>.
- Neumann, I. B. (1999) *Uses of the other : 'The East' in European identity formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press. (Russ. ed.: (2004) Ispol'zovaniye 'Drugogo': obrazy Vostoka v sosednikh yevropeyskikh identichnostyakh. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ.).
- Onuf, N. (1989) *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of Carolina Press. <https://doi.org/10.4324/9780203722428>
- Pagden, A. (ed.) (2002) *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511496813>
- Palm, T. (2021) 'Normative Power and EU Strategic Autonomy', in *The Future of European Strategy in a Changing Geopolitical Environment: Challenges and Prospects*. Hague: The Hague Center for Strategic Studies, pp. 25–27.
- Pogorelskaya, A. (2022) 'The EU normative power in development policy', *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*, 14(4), pp. 456–474. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.406>
- Ricoeur, P. (1955) *Histoire et vérité*. Paris: Seuil. (Russ. ed.: (2002) Istoriya i istina. Saint Petersburg: Aletheia Publ.).
- Riddervold, M. (2010) "'A matter of principle"? EU foreign policy in the International Labour Organization', *Journal of European Public Policy*, 17(4), pp. 581–598. <https://doi.org/10.1080/13501761003673401>
- Risse, T. (2003) 'The Euro between national and European identity', *Journal of European Public Policy*, 10(4), pp. 487–505. <https://doi.org/10.1080/1350176032000101235>
- Risse, T. (2005) 'Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration', *Journal of European Public Policy*, 12(2), pp. 291–309. <https://doi.org/10.1080/13501760500044033>
- Risse, T. and Engelmann-Martin, D. (2002) 'Identity Politics and European Integration: The Case of Germany', in *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 287–316. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511496813.014>
- Romanova, T. (2021) 'The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences', *Contemporary Europe*, 105(5), pp. 32–44. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope520213244>
- Rougemon, D. de (1966) *The idea of Europe*. New York: Macmillan.
- Ryon, E. (2020) 'European strategic autonomy: Energy at the heart of European security?', *European View*, 19(2), pp. 238–244. <https://doi.org/10.1177/1781685820968302>
- Sartre, J.-P. (1976) *L'être et le néant; essai d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard.
- Semenenko I.S. (2008) 'Metamorphoses of European Identity', *Polis. Political Studies*, (3), pp. 80–96. (In Russian).
- Sergeev, E. A. and Vorotnikov, V. V. (2023) *Strategiya Evropejskogo Soyuza v usloviyah global'noj perestrojki: avtonomiya ili evtanaziya?* [Strategy of the EU under the global perestroika: autonomy or euthanasia?]. Moscow: MGIMO University Publ. (In Russian).
- Shore, C. and Black, A. (2021) 'Citizens' Europe and the Construction of European Identity', in *The Anthropology of Europe: Identities and Boundaries in Conflict*. London: Routledge, pp. 275–298. <https://doi.org/10.4324/9781003135197-13>
- Sidorova, E. and Sidorov, A. (2023) 'EU Strategic Autonomy in the Economy', *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 21(3), pp. 119–142. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7>
- Waever, O. et al. (1993) *Identity, migration, and the new security agenda in Europe*. New York: St. Martin's Press.
- Wendt, A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
- Wilson, J. (2015) 'Political Discourse', in *The Handbook of Discourse Analysis*. Chichester: Wiley, pp. 775–794. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch36>

Информация об авторах

Полина Павловна Калугина — соискатель кафедры ПАМП, эксперт Центра анализа и продвижения результатов научной деятельности МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Егор Александрович Сергеев — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Polina P. Kalugina — PhD student of the Department of Applied International Analysis, MGIMO University, Expert of the Centre for Analysis and Promotion of Scientific Results, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Egor A. Sergeev — PhD in Economics, Associate Professor, World Economy Department, MGIMO University; Senior Research Fellow, Center of European Studies at Institute of International Studies, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.